

О. СТАМАТИН

КАБАРГА

Олег Стаматин

Кабарга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70603294

SelfPub; 2024

Аннотация

Мое детство, как и детство многих, было окружено тайной. В те давние годы темнота казалась особенно тёмной, а в каждом углу небольшой уютной квартиры скрывался секрет, который требовал разгадки. Почему-то самые яркие воспоминания из моего детства тесно связаны с зимой и темнотой. Помню, как дедушка вез меня на санках через холодные сугробы в больницу, а я всматривался слипающимися сонными глазами в тёплый оранжевый свет уличных фонарей и мне чудилось, что фонарный столб – это шея огромного доброго жирафа, который забавно держит в зубах ослепляющую лампу. А там, куда свет не доставал, бродили благородные олени и игривая кабарга, что разрывала копытами пухлый снег и, оставаясь в темноте, сопровождала мои санки до самого подъезда. И все это происходило в детстве, где тесно граничили реальность и сон, где в чёрном небе плавали киты, где тайна была так близко.

Олег Стаматин

Кабарга

А раньше-то в голове шептала тайга.

*В земле чернильной спала гадюка,
в черничных зарослях кабарга.*

Реки ледяной дуга, янтарные берега.

*От уха до уха три дня шёл лось,
чтоб сбросить рога.*

Дана Сидерос, «В животе»

Где-то десятый час вечера, а может быть какой другой вечерний темный час. Это вовсе не имеет значения. Кругом зима. Сильно утомленный за день город постепенно гасит свои огни, затем ложится на снег и, распластавшись по белоснежной пустыне всем своим великаньим серым телом, в одночасье замирает. Даже буйное шоссе, обыкновенно полное красным светом уходящих вдаль автомобильных караванов, приостанавливает свой ход и замолкает. Кое-где еще, правда, видны оазисы жизни. Вот притаившийся среди кирпичных зданий ларек моргает зеленой вывеской «24 часа», а вот грязная пятиэтажка взирает единственным непотухшим глазом на разлившееся по небу черничное варенье и довольно оседает в снежную перину.

В том окне, где горит свет, сидит за большим кухонным столом и заталкивает внутрь себя водянистую жижу, нава-

ренную на куриных позвонках (суповом наборе) маленький мальчик. Сидит он тихо, нахохлившись как цыпленок, ведь догадывается, что если про него вспомнит мама, что прямо сейчас шуршит уборкой в другой комнате, то тут же погонит спать, чего он крайне не хочет.

Время ползет улиткой – совсем немного и остановится – но ребенок не сильно унывает, ведь своеобразным телевизором ему служит деревянная оконная рама, за которой магическим образом индевет ночь, а вместо радио в углу крохотной кухни на последнем издыхании кряхтит старинный холодильник с загадочной надписью «Би-рю-са». Темнота гипнотизирует, и замороженный ребенок с необычным удовольствием вглядывается робкими любознательными глазами в черное стекло.

«Вот город и не город вовсе», – думает он – «А самый настоящий дикий лес», – и представляет, как во дворе дома, прямо на его глазах, из снега вырастают могучие сосны, а на дороге, покрывая мертвые автомобили, застывает скованная льдом река. Теперь ему остается придумать только абстрактных животных, чтобы населить ими волшебный лес, но пока он вспоминает знакомых зверей, в доме напротив, в одной из квартир, загорается лампа, и в окне показывается чей-то детский силуэт.

Мальчик замечает это. Фантазии тут же отходят на второй план, а точнее улечиваются и пропадают в полостях пыльных кирпичных стен. Удивление, что в соседнем доме живет

такой же ребенок, как и он, переполняет мальчишку. В полной тишине дитя встает из-за стола и на цыпочках подходит к подоконнику, залезает на него и прижимается лбом к ледяному стеклу.

Там, по другую сторону, в другом доме, происходит тоже самое. Незнакомый мальчик, каких много в каждом дворе, раздвигает занавески и начинает вглядываться в окно напротив. Неожиданная встреча смешит обоих. Оба начинают махать тонкими ручонками в дружеском приветствии и улыбаться от осознания того, что у них появился потайной друг.

Но счастливое время бежит неумолимо быстро. И вот в комнаты к ребятам забредают усталые мамы и строгим голосом приказывают идти в постель. Бросив друг другу прощальный взгляд, дети разлетаются по кроватям, погруженные в свои мысли, а завтра каждый из них навряд ли вспомнит, что вчера у него был пусть и минутный, но все таки друг.

Странно, но в детстве сон напоминает падение, но не то, когда больно ударяешься о поверхность, а то необычное ощущение когда весь мир начинает загадочно проноситься мимо тебя, когда в окне мелькают далекие самолеты и доносится приглушенный лай собак, когда по стенам ползет свет отражающихся в окне автомобильных фар, когда, засыпая, ощущаешь невесомость, когда падаешь в темноту сна, в которой бесконечно мельтешат страхи и пережитые за день, такие значительные для тебя, маленькие радости и невзгоды.

Раннее зимнее утро же похоже на то чувство, когда затал-

киваешь ступню в сырой носок – холодное и противное. Тебе еще бесконечно хочется спать и ты наивно тянешься к теплой кровати, но вот тебя уже укутывают во сто одежд, как старика, и тянут к черному выходу из дома, туда, где холодными пальцами тело твое обнимет ветер и спеленает морозом зимняя ночь.

Вот и малыша одним таким утром повезли верхом на санках в далекое и неприятное место под названием «больница». Ехать долго и по утреннему вымершему городу, поэтому волей-неволей, а слегка задремаешь, тем более, что в это мрачное время сон всегда бродит где-то рядом. Мальчик прикрывает глаза, отменяет хаотичные мысли и наполняет мозг мягкой ватой пустоты. Забыть все никак не приходит, но вся дорога до больницы вдруг изменяется под действием сумеречного сознания.

Глаза слезятся и бесстыдно обманывают, но эта ложь столь завораживает, что им все тут же прощается. Мысли теряют границы, покидают голову и выходят гулять по зимнему городу. Вместе с глазами они обволакивают небо. Для всех, кто не умеет видеть, это обычное небо, но те кто знают его тайны, те замечают этот смольный океан пронзенный паутинкой звездочек, где между отблескивающей, как канализационный люк в дождь, луной и первыми прорехами света, поднимающимися из-за тяжелого горизонта, снуют юркие небесные рыбы и хлопает себя по пузу плавником горбатый кит. Это даже можно услышать. Слышно и нежный ше-

пот звезд, который убаюкивает планету, и тоскливый скрип снега под мамиными ногами. Умиротворяющая картина. Тянет в сон. Бесконечный сон планеты. Вот бы замерзнуть на смерть...

Где-то меж домов, в темноте, пугаясь света, бродит загадка. Каждый поворот мальчишка ждет, что ему откроется какая-то тайна. Но каждый раз, стоит преодолеть одну улицу, что-то неизвестное перемещается на следующую улицу и так далее, и так далее.

Зимой в сибирском городе очень мало света и даже фонари редки. Вот на одном из них и задерживается взгляд мальчика. Ему чудится, что фонарный столб и не столб совсем, а шея высокого пятнистого жирафа, который прямо сейчас пытается схватить ртом несуществующие листья с голого заснеженного дерева. Глаза жирафа источают тоскливый оранжевый свет, который лучами расплывается по сторонам, ноги утопают в сугробах, а туловища вовсе нет. Санки мальчика проезжают прямо под его шеей, и зверь целует ребяческое лицо теплотой электрического света, а затем остается позади. Мать и сын отдаляются и вновь прячутся в темноте.

В частном секторе, устраивают переключку дворовые псы. Холодно. Они воют, будто плачут, навзрыд, как голодные волки, которые уже поняли, что обречены.

Поблизости все время бродит чей-то силуэт. Фигура бесплотного животного. Олениха или может быть кабарга. Все же кабарга – это становится понятно, когда животное весе-

ло, разрывая копытцем пухлый снег, подбегает ближе, но не стремится подойти, а остается во мраке, откуда с любопытством сопровождает людей угольными глазами и сверкает торчащими из под верхней губы забавными клыками.

Безумно хочется остаться, остановить движение, познакомиться со зверем, но санки продолжают неугомонно нестись вперед по ухабистой заснеженной тропинке в неизвестном направлении. Мама тянет ляжку где-то впереди. Она в черном пальто, поэтому её почти не видно, и кажется, что сани едут сами собой, запряженные темнотой. Мальчик пытается закричать, попросить остановки, но из-за одежд, стянувших грудь, и шарфа, больно удавившего шею, выходит лишь нелепый всхлип, тут же съедаемый голодным ветром. Не в силах издавать звуков, ребенок разворачивается к животине, которая семенит позади саней, и начинает пристально следить за каждым её грациозным движением, за каждым кивком вытянутой головы, за каждым шагом. Зверь постепенно приближается. Наконец между ними остается всего пару метров, и человеческое дитя наивно протягивает в сторону животного маленькую ладонь с висящей на резинке варежкой, но когда до большого черного носа, забавно делающего «фыр-фыр», остается каких-нибудь несколько сантиметров, то вытянувший руку мальчик теряет равновесие и плюхается с саней в снег. Усталая мать не замечает пропажи ребенка и уносится вдаль по тропе, оставляя маленький комочек тепла наедине с природой.

Пушистый снег налипает на одежду и делает её тяжелее, острыми льдинками лезет в глаза и мешает видеть, тает на розовой коже и крохотными каплями падает обратно в белую простыню. Мальчик с трудом поднимается на ноги и глядит вперед. Прямо перед ним, склонив голову набок, стоит фантастическое животное и озаряет пространство добрыми глазами. Кругом никого нет. Весь город куда-то исчез. Остались только высокие деревья, утыкающиеся в черное небо, и океан синеватого снега. Видимо, тот самый лес, который мальчик видел из окна, стал явью. В нем поселились не придуманные, а настоящие животные, что теперь бесцельно бродят меж деревьев где-то за пределами взгляда, а одно из них прямо сейчас нежно обнюхивает шапку мальчика да облизывает теплым шершавым языком обмороженные щеки. Ребенку становится щекотно от такой ласки. Он хочет и утыкается носом в мягкую шерсть. Тепло... Кругом раздается многочисленный скрип снега – это выходят из тени дикие звери, чтобы поглядеть на человеческое дитя. Выходят рогатые, зубатые, ушастые животные и замирают на периферии взгляда, не смея лишний раз вспугнуть ребенка. Кажется, они догадываются, что скоро сон закончится и этот магический лес растворится, а на его месте вновь возникнет холодный серый город, где совсем нету места для чего-либо по-настоящему живого. Так и в самом деле происходит. Скоро мальчик открывает глаза и оказывается, что он по-прежнему сидит в санях, которые почти докатились до

порога уютной больницы. Мама помогает слезть, берет за руку и ведет туда, где всегда противно пахнет нашатырным спиртом, и режет глаза холодный зеленоватый свет люминесцентных ламп. Но прежде чем пропасть в зеве распахнутой деревянной двери ребенок полуоборачивается и краем глаза застигает вдали знакомый звериный силуэт, опоясанный утренней полупрозрачной мглой, который загадочно наблюдает за ним и, кажется, будет наблюдать, отводя опасности, еще тысячу лет. Мальчик исчезает в больнице и его накрывает небытие...

В детстве ночь кажется неумолимо долгой, день и вовсе нескончаемым. Но потом, когда ты вырастаешь, все детские года сжимаются в хаотичное слайд-шоу, где картинки в ярких и теплых тонах перемежаются с живыми, но короткими воспоминаниями. Все остальное пространство в памяти занимает пустота или же глубокий сон. Притом сон этот похож на небытие предшествующее рождению, когда нет абсолютно ничего и даже осознания самого себя. Порой кажется, что дети осмысливают себя лишь иногда и урывками, а все остальное время погружены в мягкое тепло несуществования.

В следующий раз малыш приходит в себя уже в канун Нового года. Вокруг лоска нищенского новогоднего стола извиваются знакомые и полужнакомые люди. Все с красными лицами и все счастливые. Он тоже счастлив, на то он и ребенок, но тут ему становится еще веселее и вот он прыгает вокруг низенькой ободранной елки, хватая пятнистого кота,

только что уснувшего в углу комнаты, и кружится вместе с ним по квартире, подхваченный общим смехом и необычайной легкостью бытия. Вслед за ребенком шевелится мать и старается впихнуть ему в рот хоть что-то с пиршественного стола, но мальчику, кажется, совсем не нужна эта еда и он плюется, отворачивается и находит насыщение в праздничной радости.

Гости вдруг что-то громко и весело кричат. Раздается звон посуды. Люди вываливаются из-за стола и, прихватив и ребенка, который бегал под этим самым столом, и пуховики, выскакивают во двор пятиэтажного дома, где задирают голову к небу и ждут какого-то чуда, но чудо все никак не приходит.

Мальчик незаметно отходит в сторону, проламывая крохотными валенками снежную корку, удаляется в полумрак. Оттуда он уже глядит в глубокую темноту, где едва различимо бродят очертания кабарги – его лучшего друга и спутника жизни. Животное, кажется, не замечает мельтешения людей вдали и не слышит их пошлого воя, а ходит нежно и грациозно, и даже как-то по-юродивому волшебю. Мальчик тихо зовет в космическую пустоту, и существо откликается протяжным печально-глухим криком, а после направляется в его сторону, но не доходит. Силуэт останавливается и постепенно начинает изменять форму. Сперва он морщится, закипает, а затем вдруг удлиняется. Из темной ткани таинственной фигуры вываливаются длинные тонкие руки. Вот

уже вместо зверя на малыша глядит неподвижный человек с широко развернутым взглядом и безразличным потерянным лицом.

Он стоит не шелохнувшись. Он боится. Человек выглядит на фоне огромной ночи невероятно маленьким. Здесь на свету слышен гул веселящихся в новогоднюю ночь людей, но там в темноте возможна лишь тишина и космическое одиночество. Человек во тьме одет в белые изорванные одежды, лоскуты которой трепещутся на ветру, а в его руках мертвецом лежит железный автомат. Вдруг из-за спины солдата показывается другой и, остановившись рядом с первым, тоже начинает глядеть своим слепым слезливым взглядом куда-то в сторону малыша.

Однако мальчику совсем не страшно. Наоборот он жадно наблюдает за холодными силуэтами и боится нарушить столь странное таинство. Некое чувство родства к этим уединенным фигурам наполняет его. Мальчик замечает, что один солдат чем-то неопределенным похож на него самого, а второй на того самого ребенка, которого он видел в окне дома напротив. От этого осознания ему вдруг становится как-то не по себе, но он продолжает стоять, как немая ледяная глыба, хотя голова его давно кружится, а в глазах чернеет.

Тут в обыкновенном мире, откуда-то из-за спины мальчика, раздается оглушительный хлопок. Силуэты солдат в темноте, прежде неподвижные, начинают нелепый танец. Они пытаются отчего-то спрятаться, но вязкий снег хватает их за

ноги и тянет к себе. В движении люди снова становятся похожи на зверей. Тени трансформируются, стремительно изменяются, будто ведут какую-то игру или же в самом деле танцуют, но затем в один миг замирают и, мальчишка замечает, что солдаты, схватив оружие, направляют стволы в сторону его маленького туловища. От страха веки сжимаются с невероятной силой, но вот вздох, и крошечная тушка его уже готова к тому, что сейчас в неё иглою вонзится нечто ужасное и смертоносное. Снова раздается хлопок. Что-то свистит над ухом, а затем взрывается совсем рядом. Из-за спины начинают истошно кричать голоса незнакомцев, но боль так и не приходит. Мальчик осмеливается открыть глаза. Как только он это делает, снова раздается выстрел, и ярко-красный фейерверк, очертя дугу, падает в то место, где недавно стояли таинственные фигуры, а затем взрывается, разнося по сторонам вместе с брызгами снега сотни маленьких искр, что освещают во всех подробностях абсолютно безжизненный лесок посреди обыкновенного двора, где, наверное, и вправду во все нет места для чего-либо по-настоящему живого, для тайны, для дружбы и для него самого. Вместе с солдатами пропала и кабарга. Насовсем. Тайна умерла в детстве. Холодно. Вот бы замерзнуть насмерть...